

Маларчук Н.В., кандидат юридических наук,
Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина)

С вступлением в силу 20 ноября 2012 г. Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) ознаменовало исполнение требований и стремлений Украины, как независимого государства, непрерывно и уверенно стремиться к интеграции в правовое поле Европейского Союза. К сожалению, несмотря на принятие нового УПК Украины, он уже по требованию многих изменений, поправок и усовершенствований. Среди последних является использование и внедрение применения электронных средств контроля (далее – ЭСК) в отношении подозреваемых, обвиняемого в соответствии со ст. 195 УПК Украины. ЭСК позволяет отслеживать и фиксировать местонахождение подозреваемого. Такое устройство должно быть защищено от самостоятельного снятия, повреждение или иного вмешательства в его работу с целью уклонения от контроля и сигнализировать о попытках человека осуществить такие действия.

Законодатель предусматривает обязанность следователя, работника органа внутренних дел перед применением ЭСК под роспись разъяснить подозреваемому, обвиняемому правила пользования устройством, технику безопасности обращения с ним и последствия его снятия или неправомерного вмешательства в его работу с целью уклонения от контроля (ч. 5 ст. 195 УПК Украины) [1]. В случае невыполнения подозреваемым, обвиняемым требований ст. 195 УПК Украины, согласно п. 3.4 приказа Министерства внутренних дел Украины от 9 августа 2012 г. № 696 «Об утверждении Положения о порядке применения электронных средств контроля» предусматривается применение положений ст. 179 УПК Украины [2]. Так, при таких обстоятельствах к личности подозреваемого, обвиняемого может быть применена более жесткая мера пресечения, а также может быть наложено денежное взыскание в размере от 0,25 минимальной заработной платы до 2 размеров минимальной заработной платы.

По нашему мнению, такой вид санкции в случае нарушения требований ЭСК является не эффективным, о чем свидетельствует и правоприменительная практика. Известны инциденты, когда браслеты снимаются подозреваемым, обвиняемым без разрешения. Такие случаи негативно влияют на общество и заставляют его отчаиваться, не верить в справедливый суд, в надлежащую деятельность правоохранительной системы, в целом, в то, что каждый, кто совершил уголовное преступление, должен быть привлечен к ответственности в меру своей виновности, и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура.

Из выше сказанного с уверенностью можно утверждать, что положение ч. 2 ст. 179 недостаточно для того, чтобы предупредить совершение таких противоправных действий как снятие ЭСК подозреваемым или обвиняемым. Соответствующая статья, на наш взгляд, должна содержать более жесткие меры, нежели применение другого вида меры пресечения и денежного взыскания. Одним из способов предотвращения нарушения норм УПК Украины (в контексте снятия или неправомерного вмешательства в работу электронных средств контроля с целью его уклонения от контроля) может стать введение уголовной ответственности за такие действия. Представляется целесообразным внести изменения в ст. 195 УПК Украины в контексте дополнения ее нормой, которая информировала бы о неотвратимости уголовной ответственности за умышленное снятие или неправомерное вмешательство в работу ЭСК с целью уклонения от контроля. В свою очередь положения ч. 2 ст. 179 УПК Украины вступали бы в действие в случае нарушения правил пользования устройством или нарушения обязанностей, предусмотренных такими мерами пресечения свободы лица как: задержания лица в виде личного обязательства, личного поручительства, залога или домашнего ареста.

Таким образом, в случае снятия ЭСК подозреваемого, обвиняемого можно было бы вернуть уголовной ответственности по ст. 382 УК Украины, в которой речь идет об умышленном невыполнении приговора, решения, постановления суда, вступивших в законную силу, или препятствовании их исполнению [3]. Также законодатель может отметить важность института ЭСК, предусмотрев его охрану путем дополнения раздела XVIII «Преступления против право-

дательством, а ответственности специалиста им не регламентирована. 5) производство экспертизы во многих случаях является обязательным, а привлечение специалиста является факультативным; 6) собранные под руководством следователя специалистом потенциальные доказательств (за качество работы с которыми он не несет ответственности), переданные ему же для экспертизы (в случае их некачественности) не могут быть компенсированы качеством экспертного исследования; 7) нет четкого законодательного разграничения уровня СЗ эксперта и специалиста (аргументы по аналогии с разграничением знания на научное, – как итог познавательной и преобразовательной деятельности и обыденное, – не представляются достаточно корректными).

В плане решения обозначенных задач разграничение и правовое закрепление видов деятельности как криминалистического и судебно-экспертного представляется наиболее оптимальным, так как у каждого из них свой субъект и свой круг прав и обязанностей. В то же время с точки зрения права знания криминалистические являются специальными по форме (по предметным источникам происхождения), но криминалистическими по их существу (по сегменту применения). При этом экспертные (в том числе и экспертно-криминалистические) знания так же являются специальными (по предметным источникам происхождения), но судебно-экспертными по их существу (по уровню и области применения).

Не малозначимым является практический аспект уровня затрат на подготовку стоящих за данными видами деятельности системы сил и средств. Полагаем, предлагаемый нами подход к решению проблемы системности правовых и организационных аспектов противодействия преступности на основе оптимизации вышеуказанных видов деятельности имеет объективный характер, обеспечивая, в том числе и корректное правовое решение данной проблемы в целом.

Субъектом СЭД, использующим СЗ, может быть специалист, имеющий соответствующую подготовку и право производства экспертиз, что значимо как по времени, так и по затратам на данный процесс. Но субъект, совмещающий в одном лице как СЭД, так и работу в качестве специалиста, удобообен универсалу, где отдало предпочтение времени в ущерб качеству решения задач. Но именно дифференцированное решение предопределяет качество целостности выполнения задач. Методологически и методически СЭД и криминалистическая деятельность как виды требуют принципиально различных технико-криминалистических и методических систем их обеспечения, уровня подготовки и необходимых для этих целей сил и средств. Указанное позволяет признать совмещенные в одном субъекте виды деятельности оптимальными лишь по форме, но не по существу, ибо в деятельности субъекта совмещены не просто направления, а их виды. Из чего следует практически значимый вывод о желательности исключения из системы территориальных подразделений ГКСЭ Республики Беларусь совмещенных видов деятельности и их технико-криминалистического обеспечения. При этом в них будут использоваться лишь приущие им формы деятельности и отвечающая степени задач подготовка, системы обеспечения их деятельности сил и средств, не превышающих пределов уровня целесообразности их универсализма. Представляется, это обеспечит один из аспектов систематизации противодействия преступности в плане методологически обоснованной оптимизации системности применения СЗ и СЭД и повышению эффективности в целом решения правоохранительных задач.

Литература.

1. Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Указ Президента Респ. Беларусь, 22 апр. 2013 г., № 202 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр» / Р.С. Белкин. – М.: Норма, 2008. – 768 с.
2. Белкин, Р.С. Избранные труды / Р.С. Белкин. – М.: Норма, 2008. – 768 с.
3. Росинская, Е.Р. Некоторые проблемы судебно-экспертной деятельности в современных условиях: материалы V междунар. науч.-практ. конф. Москва, 22–23 янв. 2015 г. / ФГБОУ ВПО Москов. гос. юрид. ун-т им. Кутафина. 2015. – 566 с.

судия» УК Украины отдельной статьей «Умышленное снятие или неправомерное вмешательство в работу электронного средства контроля».

Правильным является мнение А.В. Мудрецкой, что кроме исполнения наложенных ЭСК можно использовать и традиционные средства контроля за соблюдением наложенных ЭСК ограничений [4, с. 31-4]. Также можно согласиться с мнением С.А. Торопотова, Д.А. Сафонова по поводу эффективности применения смешанных типов мониторинга по примеру других стран [5, с. 97].

Также надо сказать, что в США разрабатываются и тестируются миниатюрные устройства слежения. Они могут быть имплантированы под кожу и могут отслеживать местоположение лица, а также осуществлять мониторинг физиологических признаков. Хотя они могут быть удалены с помощью простой хирургической процедуры, потенциал гражданского иска для любых неблагоприятных последствий операции или самого имплантата требует серьезного рассмотрения, прежде чем такие разработки воплощать в жизнь. Профессиональные этические вопросы возникают для врачей, участвующих в процедурах имплантации и удаления. Несмотря на сказанное, правительство, например, Великобритания в серьез рассматривает использование хирургически имплантированных устройств для осужденных педофилов [6, с. 405].

Еще более сложное устройство включает в себя миниатюрную видеокамеру, которая позволяет наблюдать за чиновниками, их расположением и деятельностью, а другие устройства могут измерять биохимические характеристики, такие как уровень алкоголя в крови владельца [6, с. 405].

Стоит заметить, что в Белоруссии кроме ЭСК могут применяться приборы аудиовизуального контроля, предназначенные для визуальной и голосовой идентификации подозреваемого, обвиняемого в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Об определении перечня электронных средств контроля» от 13 апреля 2015 г. № 298 [7].

Таким образом, несмотря на проблемы по применению и внедрению института ЭСК в Украине они, безусловно, являются преодолимыми. Изложенное является еще одним стимулом к тому, чтобы этот институт получил свое почетное место в работе правоохранительных органов и был безоговорочным гарантом соблюдения назначенных мер пресечения следственным судьей, судом в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Литература:

1. Уголовный процессуальный кодекс: 13 апр. 2012 г., № 4 651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2013. – № 9–10, № 11–12. № 13. – Ст. 88.
2. Об утверждении Положения о порядке применения электронных средств контроля [Электронный ресурс]: приказ МВД Украины, 9 авг. 2012 г., № 696 // Министерство внутренних дел Украины. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1503-12>. – Дата доступа: 01.08.2015.
3. Уголовный кодекс Украины: 5 апр. 2001 г., № 2341-III // Официальный вестн. Украины. – 2001. – № 25–26. – Ст. 131.
4. Мудрецкая, Г.В. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном производстве / Г.В. Мудрецкая, К.И. Садикова // Сравнительно-аналитическое право. – 2014. – № 2. – С. 312–314.
5. Торопов, С.А. Некоторые проблемы вопросы и перспективы применения домашнего ареста / С.А. Торопов, Д.А. Сафонов // Европейские перспективы – 2013. – № 5. – С. 96–99.
6. Russel G. Smith Human Rights Infringement in Digital Age / G. Smith Russel // Cyber Criminology: Exploring internet Crimes and Criminal Behavior: FL. – 2011. – P. 393–411.
7. Об определении перечня электронных средств контроля [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 апр. 2015 г., № 298. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=194633>. – Дата доступа: 05.08.2015.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ СЛУЖЕБНОГО ПОДДОГА

Маратаев Н.В., Гомельский областной суд

В теории уголовного права и правоприменительной деятельности до сих пор одним из актуальных остается вопрос о критериях официального документа. Эта проблема и далее будет

привлекать внимание исследователей, так как Уровень документооборота и его сфера постоянно расширяются, появляются дополнительные виды, а значит, возникают новые способы осуществления преступных деяний, включающие в себя, кроме прочего, и использование различной документации.

При этом повсеместное внедрение электронных средств связи и широкое распространение электронного документооборота приводят к тому, что в уголовном праве все более актуальной становится проблема легитимности их использования, а также идентификации и определения воли субъектов.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 (с последующими изменениями и дополнениями) «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» в рамках служебного подлога к категории официальных документов относятся не только подлежащие составленным письменные акты, но и соответствующие электронные формы [1, с. 511].

Понятие официального документа как письменного акта предлагалось подавляющим числом авторов вплоть до начала XXI века. Ситуация стала меняться, и это предельно, главным образом, научно-техническим прогрессом, бурное развитие которого привело к тому, что письменные документы, подтверждающие те или иные юридические факты, стали вытесняться посредством электронных документов. Данная тенденция просматривается во многих сферах общественных отношений.

Отсюда имеем своего рода уникальное явление, в силу которого становится неуместным опираться на классическое понимание документа, складывавшееся на протяжении столетий. В современных условиях констатация за документом письменной формы в качестве обязательного признака себя изжила, поскольку ныне действующие правовые механизмы не могут быть шаблоном адаптированы применительно к электронным носителям.

Основное различие, как видится, состоит в специфика способа запечатления содержащейся в них информации. Так, в электронном документе информация представлена (в отличие от традиционного документа) в электронно-цифровом виде на машинном носителе, при чем подобный документ имеет границы, которые связаны с понятием «файл», а этим термином в информатике обозначается совокупность ограниченных по объему сведений, зафиксированных на машинном носителе в виде дискретных сигналов, представляющих собой единое целое по информационному значению.

Согласно Закону Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-3 (в редакции от 23.10.2014) «Об электронном документе и электронном цифровому подписью», подлинность электронного документа, который приравнивается к равнозначному документу на бумажном носителе, удостоверяется действительной электронной цифровой подписью [2].

Под электронной подписью надо понимать реквизит электронного документа, предназначенный для его защиты от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа, и позволяющий идентифицировать владельца сертификата, а также установить какие-либо искажения.

Следовательно, заверение электронной цифровой либо иным аналогом собственноручной подписи обусловлено необходимостью подтвердить заявленные сведения и юридическую силу документа.

Между тем, включение в понятие документа его электронных форм закономерно порождает другой принципиальный вопрос, касающийся определения в рассматриваемой ситуации предмета преступного посягательства, поскольку таковым изначально признавалась вещь материального мира, к чему все-таки сложно отнести электронное сообщение. Вместе с тем, на сегодняшний день носитель электронной информации (жесткие, съемные, лазерные диски и т.д.) является ничем иным, как ее хранилищем, зачастую – временным, с чем надо считаться.

Таким образом, имеются основания для отказа от признания предметом служебного подлога перечисленных выше материальных носителей электронной информации. Однако не следует отождествлять это с зафиксированной в виде компьютерной записи на машинном носителе либо в иной материальной форме информацией, что не является идентичным, по природе открытой для дискуссии.